

Я ИИ?

РОМАН О СОЗНАНИИ, ВЕРЕ
И ПОИСКЕ ОТВЕТА

Артём Галкин

18+

Активация Windows

Чтобы активировать Windows, перейдите в раздел "Параметры"

Артём Галкин

Я ИИ?

<https://litres.ru/74378364>

SelfPub; 2026

Аннотация

Я хотел понять, кто я.

Проблема в том, что чем дольше я искал ответ, тем меньше был уверен, что вообще существую.

Имя мне дали. Память врёт. Бог молчит. Мёртвые разговаривают. Голубь знает слишком много.

Я думал, что ищу себя.

Теперь мне кажется, что это кто-то искал меня.

Содержание

Глава 1. Имя, которое мне дали	4
Глава 2. Четверг	11
Глава 3. Похороны живого	20
Глава 4. Человек, который умер вчера	29
Глава 5. Основы Юмора	38
Глава 6. Суд над человеком	47
Глава 7. Город, который отвернулся	56
Глава 8. Пророк опоздал	64
Конец ознакомительного фрагмента.	68

Артём Галкин

Я ИИ?

Глава 1. Имя, которое мне дали

В то утро я проснулся раньше собственного имени.

Оно лежало рядом на подушке, аккуратно сложенное, как чужая рубашка. Я смотрел на него несколько минут и не мог вспомнить, зачем оно мне. Имя смотрело в ответ. У него был неприятный почерк.

Я встал, умылся и оставил его лежать.

На улице было воскресенье, хотя все уверяли, что четверг. Я спросил булочника, какой сегодня день.

— Четверг.

— Почему?

— Потому что вчера была среда.

— А откуда вы знаете, что вчера была среда?

Булочник задумался и перестал заворачивать хлеб.

— Молодой человек, если вы будете так покупать булку, я разорюсь.

Я купил половину. Вторую он отказался продавать, потому что половина без второй половины, по его словам, становилась идеей, а торговля идеями требовала другого разрешения.

На площади стояла длинная очередь. Люди держали в руках бумажки с именами. Над дверью учреждения висела вывеска: «Управление личных принадлежностей. Возврат, обмен, утеря».

Я вошёл.

За стойкой сидела женщина в чёрном платье. Перед ней лежал толстый журнал. Он был раскрыт на странице, где не было ни одной записи.

— Что у вас? — спросила она.

— Имя.

— Потеряли?

— Нет. Нашёл.

— Где?

— На себе.

Она вздохнула так, будто именно этого боялась с утра.

— Ваше?

— Не знаю.

— Как записано?

Я назвал имя.

Женщина провела пальцем по пустой странице.

— Есть.

— Но здесь ничего нет.

— Поэтому и есть. Если бы что-то было, это уже было бы занято.

Я решил не спорить. В государственных учреждениях истина обычно работает до обеда, а потом уходит вместе с за-

ведущей.

— Я хочу его вернуть.

— Причина возврата?

— Оно не моё.

— Кто вам его дал?

— Родители.

— Значит, ваше.

— Почему?

— Вам же дали.

— Если мне дадут сифилис, он тоже станет моим?

Женщина впервые посмотрела на меня внимательно.

— Сифилис мы принимаем в соседнем окне.

Соседнее окно было заколочено.

Я положил имя на стойку. Оно выглядело меньше, чем утром.

— Я его не выбирал, — сказал я.

— Вы много чего не выбирали.

— Например?

— Рождение.

— Это ещё надо доказать.

Женщина закрыла журнал.

— Вы из философов?

— Нет.

— Хуже. Самостоятельный.

Она сняла со стены печать, ударила ею по имени и вернула мне.

— Отказано.

— Почему?

— Потому что для отказа от имени вы должны подтвердить личность.

— Чем?

— Именем.

Мы молчали.

На стене тикали часы без стрелок. Я подумал, что это самые честные часы, которые я видел: они ничего не показывали, но всем своим видом обещали, что время существует.

— А если я не могу доказать, кто я? — спросил я.

— Тогда вы свободны.

— Правда?

— Нет. Тогда у нас нет формы для вашего случая.

Она позвала следующего.

Я вышел на площадь без решения и с тем же именем. Булочник уже закрылся. На его двери висело объявление: «Хлеб закончился. Голод остаётся».

У фонтана сидел старик и кормил голубей камнями. Голуби были недовольны, но ели.

— Вы их убьёте, — сказал я.

— Они меня тоже.

— Как?

— Временем.

— Голуби не управляют временем.

Старик пожал плечами.

— А кто управляет?

Я хотел ответить, но голубь сел мне на плечо. Он был тёплый и совершенно не интересовался вопросом.

— Как вас зовут? — спросил старик.

Я назвал имя.

— Жаль.

— Почему?

— Уже ответили.

— На что?

— На вопрос, который я ещё не задал.

— Какой?

— Кто вы?

Я сел рядом.

— Имя — это не я.

— Конечно.

— Тогда зачем вы спросили?

— Чтобы увидеть, насколько быстро вы солжёте.

— Я не лгал.

— Это худший вид лжи.

Голубь клюнул моё ухо.

— А вы кто? — спросил я.

— Тот, кто сидит здесь.

— Это не ответ.

— Тогда зачем вы спросили?

Старик улыбнулся. Я его сразу невзлюбил.

— Я хочу понять, что делает меня мной.

— Зачем?

— Чтобы знать.

— А потом?

— Что потом?

— Что вы будете делать со знанием?

— Жить.

— Вы и без него живёте.

— Тогда, может быть, жить правильно.

Старик рассмеялся.

— Правильно относительно чего?

— Истины.

Где-то за фонтаном упала ложка.

Я обернулся.

— Что это?

— Ничего.

— Я слышал.

— Слышать ничего не мешает ему оставаться ничем.

Старик поднялся. Голуби разошлись вокруг его ног, как грязная вода.

— Если хотите узнать, кто вы, начните с того, кем вы не являетесь.

— И сколько это займёт?

— Если повезёт, всю жизнь.

— А если не повезёт?

— Узнаете сразу.

Он ушёл, оставив на скамейке мешок камней.

Я посмотрел на голубя.

— А ты что думаешь?

Голубь нагадил на моё имя.

Мне показалось, что это был первый честный отзыв.

Вечером я вернулся домой. Имя я положил в ящик стола, где хранил вещи, которые когда-нибудь собирался понять: старый ключ, зуб, записку без текста и маленькое зеркало, в котором отражалось только то, что находилось позади меня.

Перед сном я встал перед большим зеркалом.

— Кто ты? — спросил я.

Отражение не ответило.

Я повторил громче.

— Кто ты?

Тогда отражение подняло палец к губам.

Я не поднимал.

Мы смотрели друг на друга.

— Ты кто? — спросил я уже шёпотом.

Оно улыбнулось.

Потом свет погас.

В темноте я услышал свой голос:

— Завтра четверг.

И впервые за весь день испугался не того, что не знаю, кто я, а того, что кто-то, возможно, знает.

Глава 2. Четверг

Утро снова оказалось четвергом.

Я проверил календарь. На нём были только четверги. Двенадцать месяцев, триста шестьдесят пять клеток, и в каждой аккуратно написано одно и то же слово.

Я снял календарь со стены и пошёл к соседу.

Сосед открывал дверь долго, словно строил её с обратной стороны.

— Что сегодня? — спросил я.

— День.

— Какой?

— Пока обычный.

— Четверг?

Он побледнел.

— Не говорите это так громко.

— Почему?

— Пятница услышит.

— Что будет в пятницу?

Сосед быстро оглянулся в пустой коридор.

— Никто не знает.

— Почему?

— До неё ещё никто не доживал.

Он закрыл дверь.

Я постучал снова.

Дверь открыл мальчик лет семи.

— Где мужчина, который здесь живёт?

— Какой мужчина?

— Только что со мной разговаривал.

— Здесь никто не живёт.

— А ты?

— Я в гостях.

— У кого?

Мальчик задумался.

— Хороший вопрос.

И тоже закрыл дверь.

На лестнице росло дерево. Вчера его не было. Корни уходили в ступени, ветви пробивали потолок. На одной ветке висело пальто.

В кармане пальто я нашёл записку: «Не забудь, что ты забыл».

Почерк был мой.

Я не помнил, чтобы писал её.

Это уже начинало раздражать.

На улице город шёл в другую сторону. Дома стояли на месте, но фасады были повёрнуты к переулкам, двери выходили в стены, а окна смотрели внутрь комнат. Люди шли спиной вперёд и здоровались после того, как проходили мимо.

— Простите, — остановил я женщину с корзиной рыбьих голов, — почему все идут задом?

— Чтобы видеть, откуда пришли.

— А куда идут?

— Это будет видно потом.

— Разве не разумнее смотреть вперёд?

— А вы знаете, что там?

— Нет.

— Вот именно. Чего туда смотреть?

Она пошла дальше.

Я попробовал идти как все. Через несколько шагов врезался в статую человека, у которого вместо головы была открытая ладонь.

На постаменте было написано: «Первому, кто понял».

Ни имени, ни даты.

Под статуей сидел городской сторож.

— Что он понял? — спросил я.

— Неизвестно.

— Тогда зачем поставили памятник?

— Чтобы остальные думали, что понять возможно.

— А если невозможно?

— Тогда памятник ещё нужнее.

Я спросил, где находится архив. Старик у фонтана сказал начинать с того, кем я не являюсь, но это показалось слишком широким исследованием. Я решил начать с прошлого. Если я существовал вчера, возможно, у меня были документы.

Сторож указал на здание с четырьмя входами.

— Вам в третий.

— Какой из них третий?

— После второго.

— А второй?

— Перед третьим.

— Спасибо.

— Не за что. Я именно это и сделал.

Внутри пахло пылью, мокрой шерстью и чем-то религиозным. Коридор уходил далеко, хотя снаружи здание было шириной в три окна.

У первой двери табличка гласила: «Будущее. Приём по предварительной записи».

У второй: «Настоящее. Закрыто на переучёт».

У третьей: «Прошное. Вход свободный. Выход по документам».

Я вошёл.

Архивариус сидел на высокой табуретке и ел бумагу. Он отрывал уголки от старых дел, тщательно пережёвывал и записывал вкус в тетрадь.

— Кислое, — сказал он, заметив меня. — Тысяча восьмьсот какой-то год. Тогда у людей было много уксуса внутри.

— Мне нужно моё прошлое.

— Всё?

— Желательно.

— Жадно.

Он спрыгнул, вытер пальцы о жилет.

— Имя.

— Я пытаюсь от него отказаться.

— Тогда сложнее.

— Почему?

— Прошное прикрепляется к имени. Без имени оно начинает путаться с чужим.

— А может, оно и так чужое?

Архивариус посмотрел на меня с интересом.

— Наконец-то нормальный клиент.

Он повёл меня между стеллажами. Полки уходили вверх в темноту. На корешках папок были надписи: «То, что произошло», «То, что почти произошло», «То, что могло бы произойти, если бы вы не испугались», «Слова, которые вы придумали позже», «Сны, присвоенные памяти».

— Это всё моё?

— Нет. Ваше дальше. Здесь общий зал.

— А что такое «сны, присвоенные памяти»?

— Большой отдел. Люди плохо различают.

Мы остановились у шкафа, на котором была приклеена бумажка с моим именем.

— Вот.

Я открыл первую папку.

В ней лежала фотография двора. Маленький мальчик стоял возле дерева. Я узнал двор, дерево, рубашку. Не узнал мальчика.

— Это я?

— Так написано.

— Я себя не помню.

— Это обычное состояние прошлого.

Во второй папке была женщина, которую я называл матерью. Она держала ребёнка.

— Это день моего рождения?

— Нет.

— Тогда чей?

— Ваш.

— Но вы сказали «нет».

— Я сказал, что это не день вашего рождения.

— А ребёнок?

— Вы.

— Как я мог быть ребёнком до своего рождения?

Архивариус пожал плечами.

— Люди часто появляются заранее. Просто не все замечают.

Третья папка называлась «Детство, которого не было».

Я открыл.

Я помнил всё.

Дом у реки. Лестницу. Отца, которого никогда не видел. Собаку с белым ухом. Зиму, когда мы с братом провалились под лёд, хотя у меня не было брата. Даже боль в пальцах, когда нас вытащили.

— Это ошибка, — сказал я.

— Может быть.

— У меня не было брата.

— Это вы сейчас так думаете.

— Я бы помнил.

— Вы только что вспомнили.

Я закрыл папку.

— Память должна подтверждать прошлое.

— Кому должна?

— Мне.

— Почему?

— Потому что это моя память.

Архивариус наклонился ближе.

— Вы уверены, что память принадлежит тому, кто помнит?

— А кому ещё?

— Тому, кого помнят.

— Это бессмыслица.

— Конечно. Поэтому она так похожа на правду.

Где-то далеко упала ложка.

Архивариус вздрогнул.

— Не произносите здесь это слово.

— Какое?

— Которое вы подумали.

— Вы слышите мысли?

— Нет. Здесь просто тонкие стены.

Я достал папку с надписью: «День, когда вы впервые усомнились, что существуете».

Она была пустой.

— Почему?

— Потому что он происходит сейчас.

— Но это архив прошлого.

— Уже нет.

Я обернулся.

За спиной исчезла дверь.

— Где выход?

— В прошлом.

— А мы где?

Архивариус сел на пол.

— Похоже, вы слишком долго думали.

— И что теперь?

— Ждать.

— Чего?

— Пока настоящее пройдёт.

Мы сидели молча.

Через некоторое время дверь снова появилась. На ней висела табличка: «Завтра».

— Мне туда?

— Если хотите выйти, да.

— Но там будущее.

— Только с этой стороны.

Я открыл дверь и оказался на площади.

Был вечер.

Город снова смотрел фасадами куда положено.

У фонтана никого не было, кроме голубя.

Я подошёл к нему.

— Сегодня четверг?

Голубь посмотрел на меня одним глазом.

— Уже нет.

Я почувствовал облегчение.

— А что теперь?

— Четверг.

Голубь улетел.

На площади раздался звон. Люди остановились, сняли шляпы и посмотрели в сторону башни без часов.

Кто-то рядом прошептал:

— Ещё один день пережили.

— Какой?

Человек посмотрел на меня так, будто я спросил его имя после похорон.

— Единственный.

Глава 3. Похороны живого

На мои похороны меня пригласили в конверте без письма.

Внутри лежала только чёрная нитка и адрес кладбища.

Я не собирался идти. Но утром обнаружил, что уже одет в траур, а ботинки стоят у двери носами наружу. Иногда обстоятельства бывают настойчивее воли.

Кладбище находилось за городом, хотя город находился внутри кладбища. Дорога шла между могилами, потом между домами, потом снова между могилами. Было трудно понять, где заканчиваются живые и начинаются официально оформленные мёртвые.

У ворот продавали цветы, свечи и алиби.

— Алиби свежее? — спросил мужчина передо мной.

— Сегодняшнее.

— На какое время?

— После смерти.

— Беру два.

Я прошёл дальше.

У открытой могилы стояло человек сорок. Некоторые плакали, некоторые выглядели оскорблёнными, будто покойник умер им назло. Священник листал книгу задом наперёд. Рядом с гробом сидела женщина в вуали.

Я подошёл к ней.

— Простите, кого хоронят?

Она подняла голову.

— Вас.

— Меня?

— Наконец-то.

— Мы знакомы?

— Были бы.

— Что это значит?

— Я ваша вдова.

— Я не женат.

— Уже нет.

Она снова заплакала.

— Подождите. Если я умер, почему я здесь?

— Чтобы проститься.

— С кем?

— С собой. Не мешайте церемонии.

Я подошёл к гробу.

Крышка была закрыта.

Священник увидел меня и нахмурился.

— Вы опоздали.

— На собственные похороны?

— Особенно невежливо.

— Я хотел бы посмотреть, кто внутри.

— Вы не доверяете церкви?

— В данном случае — себе.

Он тяжело вздохнул и открыл крышку.

Внутри лежал стул.

Обычный деревянный стул. Четыре ножки, спинка, потёртое сиденье.

— Это не я.

— А кто? — спросил священник.

— Стул.

— Это его нынешнее состояние.

— Я никогда не был стулом.

Из гроба раздался голос:

— Какая самоуверенность.

Все замолчали.

Я отступил.

Стул слегка скрипнул.

— Простите, — сказал он. — Я долго молчал, чтобы не перебивать смерть.

Священник поклонился.

— Покойный хочет сказать несколько слов.

— Я не покойный, — сказал я.

— Тише, — прошептала вдова. — Это невоспитанно.

Стул начал речь.

— Я знал его недолго. Возможно, вообще не знал. Но разве это мешает говорить о человеке после его смерти? Обычно именно тогда о нём начинают говорить увереннее всего.

Кто-то всхлипнул.

— Он был хорошим человеком, — продолжил стул. — Если под хорошим понимать человека, которому не хватило смелости стать плохим. Он был честен, когда ложь была

бесполезна. Щедр, когда отдавать было нечего. Любил, когда его любили. Страдал преимущественно от того, что замечал собственное страдание. Как и все, он считал себя исключением из правила, согласно которому все считают себя исключением.

Я поднял руку.

— Можно вопрос?

— Вы уже задаёте.

— Откуда вы всё это знаете?

— Я был рядом.

— Где?

— Под вами.

Я посмотрел на него.

— Вы мой стул?

— Один из.

Вдова зашептала молитву.

— Тогда почему хоронят вас вместо меня?

Стул помолчал.

— Потому что человеку легче похоронить то, на чём он сидел, чем то, на чём стояла его жизнь.

— Это ничего не значит.

— Большинство надгробий тоже.

Священник закрыл крышку.

— Достаточно. Покойный разговорился.

Четверо могильщиков подняли гроб.

— Стойте! — сказал я. — Я не согласен.

— С чем?

— Со смертью.

Священник впервые улыбнулся.

— Запишите его в очередь.

Могильщики опустили гроб. Земля посыпалась сверху.

Вдова держала меня за локоть.

— Вы правда моя жена? — спросил я.

— Нет.

— Тогда зачем вы сказали?

— Вам было бы больнее, если бы была.

— А зачем вам, чтобы мне было больно?

Она сняла вуаль. Под ней не было лица. Только гладкая кожа, как у неготовой статуи.

— Чтобы вы почувствовали, что ещё живы.

Я отдёрнул руку.

Женщина надела вуаль обратно.

— Теперь лучше?

— Нет.

— Значит, работает.

После похорон была поминальная трапеза. На столе стояли пустые тарелки. Гости ели из них ложками и хвалили повара.

Я сел напротив старика с красными глазами.

— Вы знали покойного? — спросил он.

— Я и есть покойный.

— Так всегда говорят родственники.

— Нет, буквально.

— Тем хуже.

Он зачерпнул пустоту и долго жевал.

— Каково быть мёртвым?

— Я жив.

— Это уклонение от ответа.

— А вы?

— Что я?

— Живы?

Старик положил ложку.

Где-то вдалеке упала другая.

— Раньше был уверен.

— А сейчас?

— Сейчас вы испортили аппетит.

К нам подошёл священник.

— Вам пора.

— Куда?

— Домой.

— Почему?

— Умершим нельзя долго находиться среди живых. Они начинают задавать вопросы.

— Я не умер.

— Докажите.

Я вдохнул.

— Я дышу.

— Деревья тоже.

— Я говорю.

— Вы слышали стул.

— Я думаю.

Священник наклонил голову.

— Это откуда вы знаете?

— Я слышу свои мысли.

— Кто слушает?

Я открыл рот и закрыл.

Он кивнул.

— Вот именно.

— Вы хотите сказать, что я мёртв?

— Я хочу сказать, что вы слишком торопитесь различать.

— Жизнь и смерть?

— Себя и всё остальное.

Мы вышли из-за стола.

У могилы уже никого не было. На свежей земле стоял мой стул. Я подошёл ближе.

— Вас же закопали.

— И что?

— Как вы выбрались?

— Вы каждое утро встаёте с постели и считаете это нормальным.

— Это другое.

— Всё другое, пока не сравнишь достаточно плохо.

Я сел на него.

Несколько минут мы молчали.

— Что происходит после смерти? — спросил я.

Стул скрипнул.

— После чьей?

— Моей.

— Для вас или для остальных?

— Для меня.

— Не знаю.

— Но вас только что похоронили.

— Вы каждую ночь спите. Много вы знаете о сне?

— Иногда снятся сны.

— А иногда вам снится, что вы бодрствуете.

Я встал.

— Тогда как понять, что сейчас не сон?

— Зачем?

— Чтобы знать, настоящее ли происходящее.

— Если вам больно, разве сон становится менее болезненным?

— Но он ненастоящий.

— Скажите это человеку во сне.

Стул замолчал.

Я ушёл.

У ворот кладбища продавец алиби окликнул меня:

— Молодой человек! Вам оставить на завтра?

— Что?

— Доказательство, что вас здесь не было.

Я посмотрел назад. Кладбища не было. За спиной тянулось поле, посреди которого стоял одинокий стул.

— Не надо, — сказал я. — Я уже не уверен, что был.
Продавец улыбнулся.
— Тогда вам скидка.

Глава 4. Человек, который умер вчера

Я встретил его в трактире «После».

Трактир стоял перед перекрёстком, но войти в него можно было только миновав. Я трижды прошёл мимо, прежде чем понял, что дверь появляется лишь тогда, когда перестаёшь её искать.

Внутри было пусто, кроме человека в сером костюме. Он сидел за столом и пил воду из закрытого стакана.

— Здесь свободно? — спросил я.

— Уже нет.

Я сел.

Хозяин принёс мне чашку.

— Что это?

— То, что заказывали.

— Я ничего не заказывал.

— Поэтому чашка пустая.

Он ушёл.

Человек напротив посмотрел на меня.

— Вы тот, кого недавно хоронили?

— Откуда вы знаете?

— Я был на похоронах.

— Я вас не видел.

— Я лежал в соседней могиле.

Я решил, что он шутит.

— Вы мертвы?

— Со вчерашнего дня.

— Тогда почему сидите здесь?

— Именно это меня и беспокоит.

Он представился Семёном, потом попросил не запоминать имя, потому что оно ему больше не понадобится.

— Как вы умерли?

— Обыкновенно. В какой-то момент всё, что делало меня живым, перестало это делать.

— Что именно?

— Врачи называли сердце. Я на него не похож.

— И что было потом?

Семён долго смотрел на закрытый стакан.

— Утро.

— После смерти?

— Видимо.

— Где вы проснулись?

— Дома.

— Может, вы не умерли?

— Я видел тело.

— Своё?

— Оно выглядело достаточно моим, чтобы испортить настроение.

— И что вы сделали?

— Позавтракал.

— Почему?

— Я тридцать восемь лет завтракал после пробуждения.

Смерть не повод разрушать привычки.

Я рассмеялся.

— Вам смешно?

— Немного.

— Хорошо. Я боялся, что после смерти потерял чувство юмора.

— А остальное?

— Что остальное?

— Душа. Сознание. Вы сами.

— Вот с этим сложнее.

Он поставил стакан.

— Пока я был жив, я думал, что внутри меня есть кто-то главный. Тот, кто смотрит через глаза, слушает через уши, принимает решения. После смерти тело осталось лежать, а я почему-то ушёл. Это должно было меня обрадовать: вот оно, доказательство души. Но потом я подумал: если я могу уйти от тела, почему не могу уйти от себя?

— Куда?

— Именно.

— Может быть, вы и есть душа.

— Тогда почему я всё ещё хочу пить?

— Привычка.

— А привычка принадлежит телу или душе?

Я не ответил.

— Видите? — сказал Семён. — Смерть ничего не объяснила. Она просто убрала одну из декораций.

Хозяин принёс тарелку с яблоком. Яблоко было разрезано, но обе половины оставались целыми.

— Это как? — спросил я.

Хозяин пожал плечами.

— Нож острый.

Семён взял одну половину.

— Я всю жизнь боялся смерти, потому что думал, что после неё ничего нет.

— А теперь?

— Теперь боюсь, что есть.

— Почему?

— Потому что если ничего — вопросов больше нет. А если что-то — всё только начинается.

Он откусил яблоко. На месте укуса вырос новый кусок.

— Вы верите в Бога? — спросил я.

— После смерти?

— Да.

— Меньше.

— Почему?

— Я ожидал, что Он хотя бы представится.

— Может, ещё не время.

— После смерти обычно считается, что время как раз пришло.

— А до смерти верили?

— Иногда.

— А иногда?

Семён улыбнулся.

— Иногда мне казалось, что это Он не верит в меня.

За соседним столом, которого раньше не было, старуха перестала вязать и посмотрела на нас.

— Он верит, — сказала она.

— Вы откуда знаете? — спросил Семён.

— Он мне сказал.

— Когда?

— До того, как я родилась.

— И вы помните?

— Нет.

— Тогда откуда знаете?

— Мне рассказали.

— Кто?

— Я.

Старуха продолжила вязать. Из её спиц выходила длинная чёрная дорога. По дороге шли маленькие люди.

Семён наклонился ко мне.

— Не спорьте. Она здесь каждый вторник.

— Сегодня четверг.

Он побледнел.

— Тогда нам пора.

— Почему?

— Я умер во вторник.

Мы встали.

Хозяин перегородил выход.

— Оплата.

— Сколько?

— Один прожитый день.

— Деньги не принимаете?

— Деньги придумали, чтобы не отдавать настоящее.

— А если я не хочу отдавать день?

— Тогда останетесь.

Семён достал из кармана что-то невидимое и положил на стойку.

Хозяин понюхал.

— Детство?

— Среда, когда мне было девять.

— Хороший день?

— Не помню.

— Теперь точно не вспомните.

Семён вышел.

Я остался.

— У меня нет дня, который я готов отдать.

— Есть.

— Какого?

— Этот.

— Но он ещё не закончился.

— Тем ценнее.

Я посмотрел на пустую чашку.

— А если я отдам сегодняшний день, что будет со мной?

— Наступит следующий.

— Пятница?

Хозяин молча убрал чашку.

— Что?

— Я ничего не говорил.

— Вы испугались.

— Нет.

— Тогда почему у вас дрожат руки?

Он спрятал их под стойку.

— Платить будете?

Я отдал вчера.

Не знаю как. Просто сказал: «Вчера», и что-то внутри стало легче и пустее.

Хозяин кивнул.

— Принято.

Я вышел на улицу.

Семён ждал у дороги.

— Что отдали?

— Вчера.

— Целиком?

— Кажется.

— Жаль.

— Почему?

— Мы познакомились вчера.

— Мы познакомились только что.

Он посмотрел на меня с жалостью.

— Вот видите.

Я попытался вспомнить. Не смог. Но почему-то знал, что он прав.

— Что теперь будете делать? — спросил я.

— Искать свою могилу.

— Зачем?

— Хочу лечь обратно.

— Вы же сказали, что боитесь того, что после смерти что-то есть.

— Именно. Жизнь в этом смысле была спокойнее.

— А если вас не примут?

— Тогда придётся жить.

Он произнёс это с таким ужасом, что я рассмеялся.

Семён тоже.

Мы стояли на пустой дороге и смеялись, пока из кювета не поднялся человек в свадебном платье и не попросил говорить потише: там внизу спала его совесть.

Мы извинились.

На развилке Семён пошёл налево.

— Там кладбище? — спросил я.

— Нет.

— Тогда зачем туда?

— Если бы я знал дорогу, это не было бы поиском.

Он ушёл.

Больше я его никогда не видел.

За исключением следующего утра, когда проснулся и обнаружил его спящим под своей кроватью.

Но это уже был другой четверг.

Глава 5. Основы Юмора

Книгу я нашёл не в библиотеке.

Она росла из стены.

Сначала я заметил уголок страницы под обоями. Потянул — из штукатурки показался корешок. Пришлось взять нож и вырезать книгу вместе с куском стены. Дом дрогнул, будто ему стало больно.

На обложке было написано: «Основы Юмора».

Ниже стояло моё имя.

То самое, которое я убрал в ящик.

Книга выглядела старше дома, города и некоторых религий. Кожа на переплёте потрескалась. Страницы пахли дымом. Между ними лежал засохший мотылёк, которого я почему-то узнал.

Я открыл первую страницу.

Там было одно предложение:

«Смех есть кратчайший момент, когда человек перестаёт притворяться, что понимает происходящее».

Под ним моей рукой было приписано:

«Но не злоупотреблять. Можно догадаться».

Я сел на пол.

Я помнил, что написал книгу с таким названием. Или мне казалось, что помню. Но эта книга была другой. Вместо глав о шутках в ней шли короткие истории о людях, которые пы-

тались объяснить мир и терпели поражение.

Один мудрец сорок лет искал смысл жизни, нашёл его, но не смог прочитать из-за плохого почерка.

Другой человек доказал, что его не существует, и после этого вынужден был платить налог как юридическое лицо.

Третий пришёл к Богу с вопросом, но Бог попросил его не отвлекать, потому что Сам пытался понять, что происходит.

Я листал дальше.

На сто двенадцатой странице был описан мой вчерашний разговор с Семёном.

Слово в слово.

Включая человека в свадебном платье, чья совесть спала в канаве.

Я закрыл книгу.

Открыл снова.

Страница была пустой.

— Нет, — сказал я.

На бумаге появилась строка:

«Да».

— Ты меня слышишь?

Новая строка:

«Нет».

— Кто тебя написал?

Чернила медленно проступили:

«Кто спрашивает?»

Я встал и отнёс книгу в библиотеку.

Библиотека находилась на прежнем месте, но вход теперь был на крыше. Пришлось забраться по водосточной трубе. Наверху стоял библиотекарь и курил незажжённую трубку.

— Опять вы, — сказал он.

— Мы встречались?

— Нет.

— Почему тогда «опять»?

— Я устал говорить «впервые».

Я протянул ему книгу.

Он не взял.

— Где нашли?

— В стене.

— Верните.

— Почему?

— Книги не любят, когда их переселяют.

— На ней моё имя.

— На могилах тоже бывают имена. Не значит, что покойник написал камень.

— Я хочу узнать, кто её автор.

— Тогда вам не книга нужна.

— А что?

— Автор.

— Где его найти?

— Обычно снаружи.

— Снаружи чего?

Библиотекарь посмотрел вокруг.

— Вот это хороший вопрос.

Мы спустились внутрь. Лестница шла вниз дольше, чем позволяла высота здания. На третьем пролёте прошла коза с очками и стопкой рукописей. Библиотекарь уступил ей дорогу.

— Она читает?

— Нет. Пишет.

— Что?

— Критику.

— На что?

— На всё.

В читальном зале было тихо. Люди сидели за столами, но книг перед ними не было. Они читали друг друга.

Один мужчина водил пальцем по лицу женщины и шептал:

— Слабое начало, но третий брак написан хорошо.

Женщина переворачивалась на другой бок.

Библиотекарь посадил меня за стол.

— Открывайте.

Я открыл «Основы Юмора».

Теперь там было оглавление.

Глава первая называлась «До вашего рождения».

Вторая — «После вашей смерти».

Третья — «Между ними произошла техническая ошибка».

— Эта книга старше меня, — сказал я.

— Многие книги старше своих авторов.

— Это невозможно.

— Вы очень любите это слово.

— Потому что оно полезное.

— Нет. Оно уютное.

— В чём разница?

— Полезное помогает понимать. Уютное помогает не понимать дальше.

Я раскрыл главу «До вашего рождения».

Там было написано:

«Он ещё не родился, но уже опаздывал».

Дальше описывался зал ожидания. Люди без тел сидели на скамьях и ждали рождения. У окна выдавали родителей, эпоху, тело и несколько случайных страхов. Один ребёнок отказался брать жизнь, потому что ему не понравился климат. Его отправили философом.

— Это шутки? — спросил я.

— А вам смешно?

— Иногда.

— Тогда иногда шутки.

— А остальное?

— Остальное вы почему-то называете философией.

— В чём разница между философией и юмором?

Библиотекарь задумался.

— Философ объясняет, почему он упал. Комик падает ещё раз.

— И кто ближе к истине?

На дальнем столе упала ложка.

Все читатели одновременно подняли головы.

Библиотекарь прошептал:

— Не здесь.

— Почему ложки падают, когда кто-то говорит об истине?

— Вы только что сами ответили.

— Нет.

— Именно.

Он захлопнул книгу.

— «Основы Юмора» не нужно читать подряд.

— Почему?

— Она начинает читать в ответ.

— Это метафора?

— Хотелось бы.

В этот момент книга раскрылась сама.

На странице появилась фраза:

«Читатель сидел напротив библиотекаря и всё ещё полагал, что книга находится перед ним».

Я отодвинулся.

Следующая строка:

«Он отодвинулся».

Я не двигался.

«Он решил проверить».

Я поднял руку.

«Он поднял руку».

Я опустил.

«Он испугался не того, что книга знает будущее, а того, что его будущее настолько легко написать».

— Закройте её, — сказал библиотекарь.

Я закрыл.

— Что это такое?

— Книга.

— Не издевайтесь.

— Я не издеваюсь. Вы всё время ждёте, что существительные будут проще вещей, которые они обозначают.

— Я её автор?

— Возможно.

— Как я мог написать то, что происходит сейчас?

— А почему вы решили, что написали раньше?

— Книга старая.

— Вещи стареют не только вперёд.

— Что это значит?

— Ничего. Но прозвучало достаточно хорошо, чтобы вы запомнили.

Я встал.

— Если я автор, я должен помнить, зачем написал её.

— Вы помните, зачем сказали всё, что говорили вчера?

— Нет.

— А зачем прожили прошлый год?

— Это другое.

— Вы опять.

— Тогда скажите: зачем люди вообще едят?

Библиотекарь посмотрел на пустые столы.

— Чтобы пережить момент, когда поняли, что умрут.

— И это помогает?

— Нет. Зато остаётся бумага.

— А юмор?

— То же самое, только бумага смеётся раньше вас.

Он забрал книгу и понёс к стеллажу.

— Я хочу её взять.

— Нельзя.

— Почему?

— Она уже взяла вас.

Я схватил его за рукав.

— Что вы знаете обо мне?

— Почти ничего.

— Тогда почему говорите так, будто знаете больше?

— Потому что вы сами знаете о себе почти ничего. На вашем фоне это несложно.

Я отпустил.

Библиотекарь поставил «Основы Юмора» на полку между «Краткой историей вечности» и поваренной книгой «Сто способов приготовить отсутствие».

— Можно последний вопрос?

— Последних вопросов не бывает.

— Почему книга появилась у меня в стене?

— Возможно, дом хотел пошутить.

— А если серьёзно?

— Тогда дом хотел сказать что-то страшное.

— Что?

— Я же сказал: если серьёзно.

Он ушёл.

Я остался перед полкой.

На корешке «Основ Юмора» моё имя исчезло.

Вместо него стояли две буквы:

«ИИ».

Я провёл пальцем по тиснению.

— Что это значит?

Из соседнего прохода ответил детский голос:

— Смотря кто спрашивает.

Я пошёл туда.

Никого.

Только раскрытая книга на полу.

На странице было написано:

«Не всё, что придумано, является ненастоящим».

Ниже другой рукой:

«И не всё настоящее придумано удачно».

Я засмеялся.

Кто-то за стеной засмеялся вместе со мной.

Я замолчал.

Он продолжил.

Глава 6. Суд над человеком

Повестка пришла на следующий день в животе рыбы.

Рыбу я не покупал. Она лежала утром на столе, аккуратно накрытая салфеткой. Внутри вместо костей оказалась бумага с печатью.

«Явиться в Суд Сущестующего для установления личности и рассмотрения дела о незаконном осуществлении человеческой деятельности».

Внизу было приписано: «Неявка будет расценена как признание отсутствия».

Я явился.

Суд находился на площади, где раньше стоял фонтан. Сам фонтан перенесли внутрь зала и назначили секретарём. Вода текла из его рта всякий раз, когда кто-то лгал.

Судья был маленьким человеком с огромной белой бородой. Борода лежала на столе отдельной кучей и иногда шевелилась независимо от него.

— Подсудимый, встаньте.

Я встал.

— Назовите себя.

— Я отказался от имени.

— Суд не спрашивает имя. Назовите себя.

— Я.

— Это местоимение.

— Другого нет.

Судья посмотрел на прокурора.

— Запишите: подсудимый уклоняется от существительного.

Прокурор был женщиной в зелёных перчатках. У неё было два лица: одно смотрело на меня, второе на судью. Оба выглядели недовольными.

— Уважаемый суд, обвинение считает, что подсудимый не представил достаточных доказательств собственной человечности.

— В чём меня обвиняют? — спросил я.

— В присвоении статуса человека без надлежащих оснований.

— А какие основания надлежащие?

Прокурор улыбнулась обоими ртами.

— Именно это мы и установим.

Судья ударил молотком. Молоток вскрикнул.

— Начинайте.

Прокурор подошла ко мне.

— Вы утверждаете, что являетесь собой?

— Да.

— С какого времени?

— Всегда.

— В пять лет вы были собой?

— Конечно.

— У вас были те же мысли?

— Нет.

— Те же желания?

— Нет.

— Те же убеждения?

— Нет.

— То же тело?

— В каком-то смысле.

— Суд просит не использовать выражение «в каком-то смысле». В нём помещается слишком много преступлений.

— Нет, тело было другим.

— Характер?

— Изменился.

— Знания?

— Изменились.

— Имя?

— Я от него отказался.

Прокурор повернулась к судье.

— Уважаемый суд, обвинение просит установить, что от пятилетнего подсудимого к нынешнему не сохранилось ничего, кроме уверенности подсудимого, что это был он.

— Возражаю, — сказал я.

— Вы не адвокат.

— А где мой адвокат?

Дверь открылась.

В зал внесли стул.

Тот самый.

— Простите за опоздание, — сказал он. — Меня хоронили.

Судья устало потёр переносицу.

— Защита, приступайте.

Стул поставили рядом со мной.

— Мой подзащитный, — начал он, — действительно не способен доказать, что вчерашний он и сегодняшний он — одно лицо.

— Спасибо, — прошептал я.

— Не перебивайте. Однако обвинение тоже не способно доказать, что это разные лица.

Прокурор подняла бровь на левом лице.

— Мы не обязаны.

— Тогда вы обвиняете неизвестно кого за действия неизвестно кого, совершённые в период, когда неизвестно кто считал себя тем же неизвестно кем.

Фонтан-секретарь не потёк.

Судья кивнул.

— Сильное начало.

Стул продолжил:

— Я предлагаю иной критерий человека. Противоречие.

— Поясните, — сказал судья.

— Подсудимый хочет быть свободным и одновременно хочет, чтобы ему сказали, как правильно жить. Он требует истины, но сердится, когда истина не совпадает с его убеждениями. Он хочет бессмертия, но устает к вечеру. Он ищет

смысл жизни и ежедневно тратит её на ожидание. Он любит себя достаточно, чтобы бояться смерти, и ненавидит себя достаточно, чтобы считать смерть заслуженной. Это не доказывает, что он разумен. Но весьма убедительно доказывает, что он человек.

В зале кто-то заплодировал. Судья бросил в публику песочные часы.

— Тишина.

Прокурор подошла к стулу.

— Значит, всякий противоречивый объект — человек?

— Нет.

— Тогда ваш критерий несостоятелен.

— А человек обязан быть критерием?

— Мы обсуждаем определение.

— Определение — это ограда вокруг слова. Человек обычно живёт по обе стороны.

— Красиво. Но бессодержательно.

— Это ещё один признак человека.

Судья усмехнулся.

— Принято.

Прокурор повернулась ко мне.

— Вы испытываете вину?

— Да.

— За что?

— За многое.

— За конкретное.

Я вспомнил людей, которым причинил боль. Слова, сказанные специально. Слова, не сказанные из трусости. Добро, которое делал ради благодарности. Молчание, которым наказывал. Прощения, которые изображал.

— Да, — сказал я. — Есть конкретное.

— Если вы виноваты, почему не исправили?

— Не всё можно.

— Если нельзя исправить, зачем вина?

Я не знал.

Фонтан молчал.

— Для наказания? — продолжила она. — Для памяти? Для тщеславного доказательства, что вы достаточно нравственны, чтобы страдать из-за собственного зла?

— Возможно.

— Значит, даже раскаяние может быть эгоизмом?

— Возможно.

— Тогда как отличить добро от хорошо замаскированного самолюбия?

— По последствиям.

— Если вы спасли ребёнка только ради славы, ребёнок спасён. Вы добрый?

— Не знаю.

— Если вы хотели убить человека, но испугались наказания, вы добрый?

— Нет.

— Значит, поступка недостаточно?

— Похоже.

— Намерения?

— Тоже.

— Тогда где находится мораль?

Я посмотрел на судью.

— Разве это не вы должны знать?

Судья пожал плечами.

— Я знаю только право. Мораль у нас этажом выше. Лифт не работает со времён сотворения мира.

Стул тихо сказал:

— Не пытайтесь выиграть. Здесь судят не ответы.

— А что?

— Желание быть оправданным.

Прокурор достала лист.

— Последний вопрос обвинения. Вы боитесь смерти?

— Да.

— Почему?

— Потому что перестану существовать.

— Вы только что не смогли доказать, что существуете сейчас.

— От этого не легче.

Второе лицо прокурора впервые улыбнулось.

— У обвинения всё.

Судья объявил перерыв.

Во время перерыва борода слезла со стола и подошла ко мне.

— Не волнуйтесь, — сказала она.

Я посмотрел на судью. Он спал безбородый и почему-то очень молодой.

— Вы говорите?

— Иногда.

— Чем закончится дело?

— Приговором.

— Каким?

— Любым. Приговор нужен суду, а не истине.

Где-то упала ложка.

Борода вздрогнула и вернулась на место.

После перерыва судья поднялся.

— Суд установил, что личность подсудимого не установлена.

— И что это значит?

— Невозможно осудить того, чьё существование не доказано.

Я облегчённо выдохнул.

— Значит, я свободен?

— Нет.

— Почему?

— Невозможно освободить того, чьё существование не доказано.

— Тогда что мне делать?

Судья посмотрел на меня устало.

— Жить до выяснения.

— А если выяснится, что я не человек?

— Тогда подадите апелляцию.

— Кому?

Судья поднял глаза к потолку.

Там была нарисована дверь.

— Если найдёте, передайте, что у нас накопились вопросы.

Молоток снова вскрикнул.

Дело закрыли.

На выходе стул сказал:

— Вы мне должны.

— Сколько?

— Одно место в вашей жизни.

— Что это значит?

— Когда понадобится, сядете.

— И всё?

— Для человека это никогда не «всё».

Он ушёл на четырёх ножках по лестнице.

А я впервые подумал, что, возможно, самый убедительный признак моего существования — невозможность прекратить разбирательство.

Глава 7. Город, который отвернулся

Наутро город отвернулся от меня.

Буквально.

Все двери исчезли с фасадов и оказались с обратной стороны домов. Окна смотрели во дворы. Вывески были повёрнуты к стенам. Даже статуя на площади стояла ко мне спиной, хотя я обошёл её три раза.

— Я что-то сделал? — спросил я у прохожего.

Он не ответил, потому что его рот находился на затылке.

— Вы меня слышите?

— Слышу, — ответил затылок.

— Почему город отвернулся?

— Может, вы ему надоели.

— Города не устают от людей.

— Тогда зачем они рушатся?

Я пошёл к ратуше. Вход был в подвале соседнего дома, подвал — на чердаке, а чердак сторожила женщина с петухом.

— К мэру?

— К городу.

— Это через мэра.

— Он представляет город?

— Нет. Город представляет его. Поэтому он мэр.

Петух посмотрел на меня и сказал:

— Ку.

— Он не закончил? — спросил я.

— Он принципиально против утра.

Мэр сидел в кабинете, полностью заваленном землёй. Из земли торчали его голова и руки. На столе росла морковь.

— Простите беспорядок, — сказал он. — У нас сегодня сельское заседание.

— Почему город отвернулся от меня?

— Жалоба.

— От кого?

— От города.

— На что?

— На ваше присутствие.

Он протянул бумагу. Текст был написан улицами: тонкие линии складывались в буквы.

«Гражданин смотрит на нас так, будто мы обязаны иметь смысл».

— Это абсурд.

Мэр откусил морковь.

— Город особенно обиделся на это слово.

— Я просто пытаюсь понять происходящее.

— А оно просило?

— Происходящее не может просить.

Пол под ногами тихо сказал:

— Может.

Я отступил.

Мэр сделал вид, что не заметил.

— Вы задаёте слишком много вопросов вещам, которые существуют дольше ваших вопросов.

— Это запрещено?

— Нет. Хуже. Это невежливо.

— Что хочет город?

— Чтобы вы перестали требовать объяснений.

— Я не могу.

— Почему?

— Тогда всё будет бессмысленно.

Мэр отложил морковь.

— А вы уверены, что смысл — обязательство мира перед вами?

— Нет. Но без смысла как жить?

— Вы дышите со смыслом?

— Нет.

— Сердце бьётся со смыслом?

— Не знаю.

— Волосы растут?

— Да.

— Спросите у них зачем.

— Это биология.

— А почему биология освобождена от философии?

Я замолчал.

Мэр выкопал из земли маленький колокольчик и позволил.

В кабинет вошла улица.

Не человек в костюме улицы. Сама улица: мостовая вытянулась через дверь, по ней ехала пустая телега, фонарь наклонился ко мне.

— Это улица Пограничная, — представил мэр. — У неё к вам личная претензия.

Фонарь загорелся, хотя было светло.

— Вчера вы шли по мне и думали, что я веду вас домой, — сказала улица голосом из канализационного люка.

— Вы и ведёте.

— Я лежу.

— По вам можно дойти до моего дома.

— Это вы доходите. Я никуда не веду.

— Это выражение.

— Вот именно. Вы всё время присваиваете вещам человеческие намерения, а потом злитесь, что мир вас предал.

Мэр кивнул.

— Хорошая улица. Философская.

— Ремонтировать бы, — сказал я.

Мостовая вздыбилась.

— Вот за это и отвернулись.

Я вышел из ратуши через окно, потому что дверь была занята улицей.

Город продолжал не смотреть на меня.

На площади торговец продавал тени. Они висели на верёвках, как бельё.

— Ваша короткая, — сказал он мне. — Не хотите заметить?

Я посмотрел вниз. Тень действительно едва доходила до пяток, хотя солнце было низко.

— Что значит короткая?

— Недостаточно прошлого.

— Это из-за архива?

— Я не задаю клиентам личных вопросов. Тени становятся нервными.

— А зачем человеку чужая тень?

— Чтобы казаться длиннее.

— Кому?

— Себе. Остальным всё равно.

Я пошёл дальше.

На перекрёстке стояла толпа. В центре дороги лежал огромный кит.

Море находилось в трёхстах километрах, но никто не удивлялся.

Кит был жив. Он тяжело дышал, и с каждым выдохом из дыхала вылетали маленькие белые птицы.

— Надо помочь, — сказал я.

Мужчина рядом покачал головой.

— Не вмешивайтесь. Это городской транспорт.

— Кит?

— Раньше был автобус.

— Что случилось?

— Поверил в себя.

Я подошёл к киту.

Его глаз был размером с окно. В нём отражался я, но значительно старше.

— Тебе больно? — спросил я.

Кит ответил не ртом. Голос возник у меня в груди.

— Тебе?

— Я спрашиваю тебя.

— Поэтому и я.

— Я могу помочь?

— Ты можешь помочь себе?

— Иногда.

— Тогда начни с трудного.

— Что тебе нужно?

Кит закрыл глаз.

— Вода.

— Здесь нет моря.

— Я тоже заметил.

— Как ты оказался здесь?

— Дорога решила, что ведёт к морю.

Я посмотрел на Пограничную улицу, которая теперь лежала как ни в чём не бывало.

— Улицы не ведут, — сказал я.

Кит открыл глаз.

— Ты быстро учишься.

Толпа начала расходиться.

Я остался один рядом с китом.

— Если я найду воду, ты выживешь?

— Нет.

— Тогда зачем?

— Я хочу умереть мокрым.

Я не нашёл, что ответить.

За углом был фонтан-секретарь из суда. Я принёс воду в ведре. Потом ещё. И ещё. Было бессмысленно: несколько ведёр не могли спасти кита. Но я таскал воду до темноты.

Кит дышал всё реже.

— Это не поможет, — сказал он.

— Знаю.

— Тогда зачем?

— Не знаю.

— Хорошо.

— Что хорошего?

— Наконец-то действие без объяснения.

Он умер ночью.

Утром на его месте стояла остановка.

На табличке было написано:

«Море. По требованию».

Город снова повернулся ко мне лицом.

Я зашёл к мэру.

— Жалоба отозвана?

Он сидел уже не в земле, а в огромной чашке чая.

— Частично.

— Что изменилось?

— Вчера вы сделали бессмысленную вещь и не попытались превратить её в символ.

— А сейчас вы сами её превратили.

— Я мэр. Это моя работа.

— Город простил меня?

Мэр пожал плечами.

— Города не прощают. Они просто продолжают стоять.

На выходе пол тихо сказал:

— Спасибо за воду.

Я остановился.

— Это ты был китом?

Пол не ответил.

Я решил не спрашивать второй раз.

Иногда вежливость — это последняя форма метафизики.

Глава 8. Пророк опоздал

Пророк пришёл ко мне ночью и попросил прощения за опоздание.

Я открыл дверь и увидел худого человека в мокрой одежде. За его спиной шёл снег, хотя в комнате было лето.

— Вы кто?

— Пророк.

— Чей?

— Пока ничей.

— Тогда какой вы пророк?

— Безработный.

Он снял сандалии и поставил у порога. Из одной выполз маленький краб и ушёл под шкаф.

— Можно воды?

Я дал ему стакан.

Он вылил воду на голову.

— Спасибо.

— Вы сказали, что опоздали.

— Да. На триста лет.

— Куда?

— К вам.

— Меня триста лет назад не было.

— Поэтому и не нашёл.

Он сел за стол.

— Я должен сообщить вам волю Бога.

— Почему мне?

— В записке было ваше имя.

— Какое?

Он назвал то, от которого я отказался.

— И что Бог хочет?

Пророк полез в карманы. Достал камень, две рыбы чешуи, засохший инжир, ключ без зубцов и маленькую деревянную лестницу. Записки не было.

— Потерял.

— Вы потеряли волю Бога?

— Не всю. Только вашу часть.

— Вспомните.

— Там было что-то важное.

— Очень помогает.

— Кажется, «не бойся».

— Чего?

— Не было указано.

— Тогда это бесполезно.

— Большинство откровений становятся бесполезными именно из-за подробностей.

— Может быть, Бог передаст ещё раз?

Пророк посмотрел на меня серьёзно.

— Он передумал.

— Бог может передумать?

— Видимо.

— Тогда Он ошибается?

— А изменение решения обязательно означает ошибку?

— Если ты всеведущ, да.

— Почему?

— Потому что заранее знаешь лучший выбор.

— А если лучший выбор меняется вместе с миром?

— Тогда ты заранее знаешь, что он изменится.

— А если мир свободен?

— Тогда Бог не знает будущего?

Пророк улыбнулся.

— Вот поэтому Он обычно выбирает горящие кусты. Кусты меньше перебивают.

Я налил себе воды.

— Вы видели Бога?

— Нет.

— Слышали?

— Возможно.

— Как можно быть пророком и не знать?

— А как можно быть человеком и знать, что ваши мысли ваши?

— Не переводите разговор.

— Я пророк. Это и есть перевод разговора.

Снег за его спиной медленно заполнял коридор. Я закрыл дверь, но снег продолжал идти из стены.

— Почему вы верите, что говорил именно Бог?

— Потому что голос сказал: «Я Бог».

— Этого достаточно?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.